

Джеймс Хэдли
Чейз

ЯСНЫМ
ЛЕТНИМ
УТРОМ

Парадиз-Сити

Джеймс Чейз

Ясным летним утром

«Азбука-Аттикус»

1963

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Ясным летним утром / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус»,
1963 — (Парадиз-Сити)

ISBN 978-5-389-17083-4

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них – Джеймс Хэдли Чейз. «Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» – так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотиносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм».

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-17083-4

© Чейз Д. Х., 1963
© Азбука-Аттикус, 1963

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Джеймс Хэдли Чейз

Ясным летним утром

James Hadley Chase

ONE BRIGHT SUMMER MORNING

Copyright © Hervey Raymond, 1963

* * *

© Е.А. Королева, перевод, 2019

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

Глава первая

Утро обещало стать ослепительно-ярким, когда в пять часов тридцать семь минут Виктор Дермот внезапно проснулся в холодном поту.

Виктору Дермоту было тридцать восемь лет. Он был крепкого телосложения, высокий и смуглый. Время от времени близорукие охотники за автографами принимали его за Грегори Пека. На это он лишь пожимал плечами, хотя в глубине души ощущал раздражение. Раздражение он ощущал потому, что и сам по себе был человеком успешным и богатым. За последние десять лет он написал четыре очень удачные пьесы, поставленные на Бродвее, которые до сих пор шли в столицах Европы и приносили ему значительный доход. Успех и богатство не испортили его. Все, кто знал Виктора Дермота, считали его отличным малым, таким он и был. Он был счастливо женат на одной рыженькой двадцати восьми лет, и она обожала его не меньше, чем он обожал ее. У них был десятимесячный ребенок.

За два месяца до этого знойного летнего утра Вику Дермоту неожиданно пришла в голову идея новой пьесы. Идея была из числа тех неистовых озарений, которые требуют, чтобы их записали немедленно и за один присест, не отвлекаясь на телефонные звонки и визиты вежливости.

Дермот попросил своего секретаря, Веру Синдер, очень деловитую даму с седыми волосами, подыскать ему местечко, где он мог бы поработать три месяца в полном уединении.

Спустя два дня она нашла именно такое место: небольшой, но роскошный дом на ранчо на краю невадской пустыни, примерно в пятидесяти милях от Питт-Сити и милях в двадцати от Бостон-Крика.

Питт-Сити был довольно крупным городом, а вот в Бостон-Крике не было ничего, кроме станции техобслуживания, нескольких кафешек и универмага.

Ранчо называлось «Пустошь». Им владела пожилая супружеская пара, которая большую часть времени проводила в путешествиях по Европе. Хозяева были счастливы сдать свой дом такой известной личности, как Виктор Дермот.

От дома через ранчо тянулась длинная частная дорога, выводившая на грунтовку, которая в свою очередь петляла целых пятнадцать миль по поросшей кустами пустыне до главного шоссе на Питт-Сити. Место было поистине уединенное, с роскошными бытовыми условиями, и едва ли нашлось бы что-то более подходящее для жизни, чем «Пустошь».

Вик Дермот с женой Кэрри съездили посмотреть дом. Вик сразу же понял, что это именно то, что ему нужно, и без лишних вопросов заключил договор на три месяца.

В «Пустоши» были большая гостиная, столовая, кабинет, он же комната для хранения оружия, три спальни, три ванные, отлично оборудованная кухня и бассейн. Имелись еще гараж на четыре машины, теннисный корт и картодром с четырьмя картами. Ярдах в двухстах от хозяйского дома стоял деревянный пятикомнатный коттедж для прислуги.

Арендная плата оказалась несколько высоковата, но, поскольку Вик зарабатывал кучу денег и место ему понравилось, он не стал торговаться. Однако, прежде чем окончательно согласиться, он обсудил все с Кэрри.

– Тебе, наверное, будет ужасно скучно, – заметил он. – Мы ни с кем не будем видеться, пока я не закончу пьесу. Может, тебе лучше остаться дома, а я перееду сюда один?

Кэрри и слушать не захотела. Она найдет чем заняться, сказала она. У нее на руках Джуниор. Она будет печатать для Вика. Она будет готовить, и еще она прихватит с собой пару незаконченных картин, чтобы поработать.

Они решили взять в «Пустошь» лишь одного человека из прислуги: юного вьетнамца Ди Лонга, жившего с ними уже больше года. Он был не только мастер на все руки, но еще

и дипломированный механик. Дермот рассудил, что вдалеке от автосервисов ему пригодится человек, способный устранить в машине любую неполадку.

После двух месяцев напряженной, сосредоточенной работы пьеса была почти готова. Теперь Вик оттачивал диалоги и сражался с окончанием второго акта, которое не вполне его устраивало. Он не сомневался, что еще пара недель – и пьесу можно ставить, и еще он был уверен, что его ждет очередной громкий успех.

За два месяца, проведенных в «Пустоши», Вик с Кэрри успели полюбить это место. Они даже сожалели, что всего через несколько недель придется вернуться в полный шума и гама лос-анджелесский дом. Впервые после медового месяца им выпала возможность побыть наедине, и им это понравилось. Теперь они сознавали, насколько сильно их ограничивает жизнь в социуме: эти постоянные выходы в свет и вечно звонящий телефон лишают их возможности ближе узнать друг друга, а еще крадут время, которое можно было бы потратить на общение с ребенком.

Хотя Дермотам очень нравилось в «Пустоши», того же нельзя было сказать об их вьетнамце: по мере того как проходили недели, тот все больше мрачнел и становился все безразличнее к работе.

И Вик, и Кэрри переживали за этого маленького человека. Они жалели, что у него нет жены, которая утешала бы его. Они попытались уговорить его взять вторую машину и поехать в Питт-Сити посмотреть кино, но он в ответ лишь раздраженно пожал плечами, и тогда они поняли, что фильм действительно должен быть шедевром, чтобы ради него тащиться пятьдесят миль туда и столько же обратно.

Вик довольно часто терял терпение, заявляя Кэрри, что Ди Лонг получает в три раза больше, чем стал бы платить работнику любой здравомыслящий хозяин. Кэрри, у которой вопрос взаимоотношений с прислугой был большим местом, возражала, что Ди Лонг имеет все причины страдать от одиночества, сколько бы ему ни платили.

Эта история началась июльским утром, чуть позже половины шестого, когда Вик Дермот проснулся как от толчка, поняв, что все его тело покрыто холодным потом, а сердце колотится так сильно, что ему трудно дышать.

Он лежал неподвижно: все его чувства были напряжены. Он слышал тиканье часов в спальне и негромкое урчанье включившегося в кухне холодильника, однако в целом в доме стояла тишина.

Вик не помнил, чтобы ему снился плохой сон, напугавший его, и все-таки он чем-то разбужен и напуган, как никогда в жизни. Он поднял голову и окинул взглядом двуспальную кровать, на которой мирно спала Кэрри. Мгновение он смотрел на нее, а затем взглянул через комнату туда, где так же мирно спал Джуниор.

Он вытащил из-под подушки носовой платок и утер покрытое испариной лицо. Тишина, знакомая комната и уверенность, что два его самых главных сокровища никто не потревожил, прогнали непонятный страх, стиснувший его, и через несколько секунд сердцебиение понемногу вернулось к норме.

«Должно быть, мне что-то приснилось, – подумал он, – только странно, что я не помню...»

Не вполне убежденный, он откинул простыню и выскользнул из кровати.

Двигаясь беззвучно, чтобы не разбудить Кэрри, он набросил халат и сунул ноги в тапочки на плоской подошве. Потом прошел через комнату, мягко открыл дверь спальни и оказался в большом квадратном холле.

Хотя сердце билось уже нормально, его все равно не покидало какое-то тягостное, тревожащее ощущение. Он потихоньку вошел в просторную гостиную и огляделся. Все было в точности так, как он оставил накануне вечером. Он пересек комнату и посмотрел в большое

окно: фонтан в патио, живо журчащий струями, шезлонги и журнал, забытый Кэрри на выложенной плитками террасе.

Он зашел в свой рабочий кабинет и осмотрелся. Выглянул в окно, посмотрев на коттедж для прислуги в двухстах ярдах от хозяйского, где ночевал Ди Лонг. Никаких признаков жизни не было, но это и не удивительно: Ди Лонг никогда не встает раньше половины восьмого.

Не в состоянии найти объяснение тягостному чувству, Вик раздраженно передернул плечами и отправился в кухню. Он знал, что не сможет уснуть, вернувшись в постель. Уж лучше сварить кофе, сказал он себе, и сесть за работу.

Он вошел в кухню, отпер и открыл дверь, выходящую в еще одно маленькое патио с воротами, которые Дермоты никогда не закрывали, чтобы Бруно, их немецкая овчарка, мог бегать где захочет, ночуя при этом в своей будке.

Вик свистнул, подзывая собаку, и сунул в розетку вилку кофеварки. Поставил на пол у двери миску с завтраком для Бруно, потом прошел через коридор в ванную.

Спустя десять минут, побритый, вымытый, одетый в белую майку, синие хлопковые брюки и белые теннисные туфли, он вернулся в кухню. Он уже хотел выключить кофеварку, но вдруг замер, нахмурившись. Завтрак Бруно стоял нетронутый. Собаки нигде не было видно.

Глядя на нетронутую еду в миске, Вик снова ощутил, как холодеет от страха. Ничего подобного не случалось ни разу с тех пор, как Дермоты переехали на ранчо. Стоило пронзительно свистнуть разок, и Бруно влетал в кухню.

Вик быстро прошел через патио и заглянул в будку. Там было пусто. Он снова посвистел и постоял несколько секунд, выжидая и прислушиваясь, а затем вышел в ворота и окинул взглядом заросли кустарника и песок, однако собаки нигде не было.

Еще рано, сказал он себе. Он же обычно встает около семи. Пес, наверное, вынюхивает какого-нибудь сурка, но все-таки это странно... странности этого утра уже начинают надоедать.

Вик вернулся в кухню, налил кофе, добавил сливки и понес чашку к себе в кабинет. Уселся за стол и сделал маленький глоток кофе, прежде чем закурить сигарету. Он взялся за почти завершенное сочинение и принялся вычитывать последние страницы. Перевернул страницу и понял, что в голове совершенно не отложилось только что прочитанное. Он раздраженно перевернул страницу обратно и принялся читать снова, но теперь его мысли были полностью сосредоточены на Бруно. Где собака?

Он оттолкнул от себя рукопись, допил кофе и отправился назад в кухню.

Собачий завтрак так и стоял нетронутый. Вик снова прошел через патио к воротам. Снова посвистел и оглядел белые пески.

На него вдруг накатило одиночество, и он ощутил острое желание поговорить с Кэрри, однако засомневался и в итоге решил не тревожить ее. Он вернулся в кабинет, опустил в шезлонг и попытался успокоиться.

Со своего места он видел в большое окно, как солнце восходит над дюнами. Он наблюдал, как появляется красный шар, как его свет окрашивает розовым широкую полосу пустыни. Обычно это зрелище зачаровывало его, однако этим утром он лишь сознавал масштабы пространства, посреди которого стояло ранчо, и в первый раз с приезда в «Пустошь» неприятно поразился их нынешней изоляции.

Внезапно захныкал его сын, и Вик вскочил на ноги. Быстро прошел по коридору в спальню. Джуниор начинал утренний рев, требуя завтрак. Кэрри уже сидела на кровати, потягиваясь. Она улыбнулась ему, когда он остановился в дверях.

– Ты рано. Сколько времени? – спросила она, позевывая.

– Половина седьмого, – сказал Вик и подошел к кровати.

Он взял Джуниора, тот немедленно умолк от знакомого уверенного прикосновения отца и одарил Вика беззубой улыбкой.

– Не мог еще поспать? – спросила Кэрри, выбираясь из постели.

– Мне что-то тревожно.

Вик присел на край кровати, держа Джуниора. Он смотрел, как жена проходит через спальню в ванную. Он ощущал блаженство, глядя на нее, такую красивую в этой прозрачной ночной рубашке, не скрывавшей соблазнительное молодое тело и прекрасные длинные ноги.

Спустя пятнадцать минут Кэрри кормила Джуниора, а Вик смотрел на них, развалившись на кровати. Этот миг всегда дарил ему огромное наслаждение.

Кэрри вдруг спросила:

– Ты ночью не слышал мотоцикл?

Наблюдая ритуал кормления, Вик уже позабыл свои страхи, но от слов Кэрри вдруг снова напрягся.

– Мотоцикл? Я ничего ночью не слышал.

– Кто-то подъезжал на мотоцикле, – сказала Кэрри. Она положила Джуниора обратно в кроватку. – Где-то часа в два ночи. Но я не слышала, чтобы мотоцикл уезжал.

Вик провел пятерней по волосам:

– Что ты имеешь в виду, милая?

Кэрри отошла от детской кроватки и присела на постель.

– Я не слышала, как мотоцикл отъезжал, – повторила она. – Я слышала, как он приехал. Мотор заглох... а потом ничего.

– Это, наверное, был дорожный патруль, – сказал Вик и полез в карман за сигаретами. – Они сюда заглядывают время от времени... помнишь?

– Но он не уехал, – настаивала Кэрри.

– Ну конечно же он уехал. Ты просто провалилась в сон. Ты не услышала, как он уехал. Если бы он не уехал, то до сих пор был бы здесь, верно? А его нет.

Кэрри внимательно посмотрела на него:

– Но откуда ты знаешь, что его здесь нет?

Вик нетерпеливо шевельнулся:

– Послушай, дорогая... с чего бы ему здесь быть? К тому же Бруно начал бы лаять... – Вик осекся и нахмурился. – Хотя, если подумать... Бруно все утро не показывается. Я свистел, но он не прибежал. И это чертовски странно.

Он встал и спешно направился в кухню. Миска с едой стояла нетронутая. Он подошел к двери и снова засвистел.

Кэрри, войдя вслед за ним, спросила:

– Где же он может быть?

– Наверное, вынюхивает какую-нибудь дичь. Я пойду поищу его.

Джуниор, почувствовав, что его игнорируют, заревел, и Кэрри поспешила вернуться в спальню. Вик немного помешкал, но затем отправился на долгую прогулку до въездных ворот. Прошел мимо закрытого коттеджа для прислуги. Было семь часов утра. Ди Лонг появится только через полчаса. Шагая по длинной подъездной дороге, Вик время от времени останавливался, чтобы издать протяжный, пронзительный свист.

Наконец он дошел до ворот из пяти поперечных перекладин и оглядел узкую грунтовку за ними, не заметив никакого движения.

Затем он посмотрел на песок под ногами. Между следами от автомобильных шин он увидел два четко выделявшихся следа... от колес мотоцикла. Эти следы тянулись издалека прямо к его воротам и обрывались здесь. Он посмотрел налево, но там следов не было. Судя по всему, кто-то приехал по шоссе из Питт-Сити, свернул на грунтовую дорогу и доехал до ворот ранчо. После чего водитель и его мотоцикл просто испарились. Не было никаких признаков того, что мотоцикл повернул на подъездную дорогу или поехал дальше в сторону Бостон-Крика. Он просто остановился у ворот, а потом взял и исчез.

Несколько минут Вик внимательно разглядывал следы мотоцикла, осматривал грунтовку, после чего развернулся и пошел по подъездной дороге обратно. То странное, неприятное чувство одиночества снова охватило его, и он припустил к дому с такой скоростью, что весь взмок под разгоровшимся утренним солнцем.

Проходя мимо коттеджа, он взглянул на хозяйский дом. Кэрри стояла в дверном проеме и махала ему. Ее жесты были быстрыми и взволнованными. Подбегая к ней, он прокричал:

– Что случилось?

– Вик! Оружие пропало!

Он уже стоял рядом с ней. И видел, что она напугана. Ее голубые глаза округлились от страха.

– Оружие? Пропало?

– Я зашла в твой кабинет... оружия нет на стеллаже!

Он спешно прошел в оружейную комнату, служившую ему кабинетом. Она имела форму буквы «Г», и стеллажа с оружием не было видно от письменного стола. Вик остановился и уставился на пустой стеллаж. Всего автоматов было четыре, а на стеллаже хранились три: один – сорок пятого калибра и две винтовки – двадцать второго. Теперь стеллаж стоял пустой.

Вик смотрел на пустую полку, чувствуя, как шевелятся волосы на затылке. Он повернул голову и увидел, что Кэрри наблюдает за ним.

– Кто-то побывал здесь ночью, – проговорила она тоненьким, испуганным голоском.

– Похоже на то.

Вик подошел к письменному столу и выдвинул нижний ящик. В этом ящике он хранил автоматический пистолет тридцать восьмого калибра, полицейское оружие, подаренное ему шефом полиции Лос-Анджелеса.

Ему едва не стало дурно, когда он заглянул в пустой ящик, где на месте некогда лежавшего оружия осталось лишь небольшое пятнышко масла.

– Твоего пистолета тоже нет? – спросила Кэрри, делая шаг вперед.

Усилием воли он обуздал охватившую его панику и обернулся, улыбнувшись ей: улыбка натужная, но все-таки улыбка.

– Похоже, ночью кто-то вломился сюда и забрал все оружие, – сказал он. – Думаю, лучше позвонить в полицию.

– Тот мотоцикл, который я слышала...

– Вполне возможно. Я звоню в полицию.

Когда он взялся за телефонную трубку, Кэрри сказала зазвеневшим голосом:

– Он... он все еще может быть здесь. Я же говорила... я не слышала, чтобы он уезжал.

Вик едва обратил внимание на ее слова, потому что, поднеся трубку к уху и начав набирать номер, он понял, что телефон мертво молчит.

Старясь говорить как можно спокойнее, Вик произнес:

– Похоже, что телефон накрылся. – Он медленно положил трубку обратно на рычаг.

Кэрри выдохнула:

– Но вчера вечером он был в полном порядке. Нам же звонили из...

– Я знаю, – прервал Вик. – Но теперь он не работает.

Они посмотрели друг на друга.

– Куда подевался Бруно? – спросила Кэрри. Она прижала руки к груди, и ее голубые глаза округлились еще больше. – Тебе не кажется...

– Только не накручивай себя, – резко оборвал ее Вик. – Ночью кто-то вломился сюда, перерезал телефонный кабель и забрал оружие. Вполне возможно, что он убрал с дороги Бруно.

Кэрри вздрогнула:

– Ты хочешь сказать... Бруно мертв?

– Не знаю, милая. Может, его усыпили чем-нибудь... я не знаю.

Кэрри вошла в комнату, стремительно бросилась к Вику и обхватила его руками. Он обнял ее, ощущая, как трепещет ее хрупкое тело.

– Вик, я боюсь! Что это значит? И что нам теперь делать?

Он погладил ее, прижал к себе, понимая, что и сам несколько напуган, внезапно осознав, насколько это место отрезано от цивилизации. Он вспомнил о Ди Лонге.

– Послушай, возвращайся к Джуниору. А я пойду будить Ди Лонга. Он придет и останется здесь с тобой, пока я разведу обстановку. Соberись, Кэрри, не смотри так испуганно.

Обнимая ее одной рукой, он пошел вместе с ней в спальню, где Джуниор в кровати сучил толстыми ножками, издавая весь свой обычный набор звуков.

– Оставайся здесь. А я вернусь через пару минут.

– Нет! – Кэрри схватила его за руку. – Не бросай меня, Вик! Ты не имеешь права меня бросать!

– Но, дорогая...

– Пожалуйста! Не оставляй меня одну!

Он заколебался, затем кивнул:

– Хорошо, хорошо, только не накручивай себя.

Вик подошел к открытому окну, выходявшему на коттедж для прислуги в двухстах ярдах отсюда. Высунувшись из окна, он прокричал:

– Ди Лонг! Эй, Ди Лонг!

Лишь тишина была ему ответом. Небольшой дом с наглухо закрытыми зелеными ставнями не подавал признаков жизни.

– Ди Лонг!

Кэрри натягивала брюки и тонкую кофточку. Ее движения были торопливыми и неловкими.

Вик отвернулся от окна.

– Этот парень спит мертвым сном, – сказал он. – Ладно, Кэрри. Давай сходим и разбудим его. Бери Джуниора.

Кэрри несла малыша, когда они шли к коттеджу по дорожке между двумя квадратными лужайками, зелеными благодаря скрытой в земле системе автополива.

Вик постучал в дверь. Они подождали, чувствуя, как солнце уже поджаривает спину. Джуниор, моргая от солнечного света, сжал пухлую ручку в кулачок и попытался ткнуть Кэрри в глаз, но она уже знала этот маневр и уклонилась от нацеленного кулачка, резко мотнув головой.

– Я захожу, – нетерпеливо произнес Вик. – А ты подожди здесь.

Он повернул ручку, и дверь поддалась. Он вошел в гостиную.

– Ди Лонг!

Никакого движения. В кухне размеренно капало из крана. Никаких других звуков не было.

Вик посомневался немного, но затем пересек комнату и толкнул дверь, за которой была спальня, погруженная в темноту и источавшая слабый кислый запах. Он пошарил по стене, отыскивая выключатель, нашел и щелкнул.

Маленькая аккуратная комната была пуста. На односпальной кровати у дальней стены, судя по всему, ночью спали. Вик заметил на подушке отпечаток головы. Узкая простыня была отброшена в сторону, простыня под ней немного смята. Вик постоял достаточно долго, чтобы убедиться в отсутствии Ди Лонга, а потом прошел в кухню. После короткого осмотра вернулся к Кэрри:

– Его нет!

Кэрри заметно успокоилась.

– Ты хочешь сказать, он украл оружие... и Бруно? Думаешь, так все было? – спросила она, крепче прижимая к себе Джуниора.

– Возможно. – Вика озадачило это предположение, но теперь он тоже начал успокаиваться. Кажется, это решение загадки. – Ему было здесь плохо. Он обожал Бруно. Да... наверное, так он и сделал. Наверное, какой-нибудь его приятель на мотоцикле забрал его.

– И оружие?

– Точно. – Вик запустил пальцы в волосы и нахмурился. После минутного размышления он продолжил: – С этими вьетнамцами никогда не знаешь. Может, он состоит в каком-нибудь тайном обществе, которому требуется оружие. Похоже, телефонный провод он перерезал, чтобы выиграть время.

– Но как он смог увезти все эти автоматы на мотоцикле... и Бруно в придачу? – спросила Кэрри.

– Может, он взял одну из машин. Я пойду проверю. Слушай, мы доедем до Питт-Сити. Там зайдем в полицию. Это как раз их работа.

Кэрри кивнула. Вик с облегчением отметил, что она уже не кажется напуганной.

– Я соберу вещи Джуниора. А ты заводи машину.

Вик смотрел, как она торопливо возвращается в дом. Он двинулся в сторону гаража, а потом остановился. Его пронзила одна мысль. Он вернулся в спальню Ди Лонга. Шкаф, в котором Ди Лонг держал одежду и свои пожитки, стоял у стены слева от кровати. Вик распахнул дверцы. И увидел три аккуратных костюма и белую униформу, которую Ди Лонг содержал в безукоризненной чистоте. На одной из полок лежала электробритва, подаренная вьетнамцу Виком на прошлое Рождество. Рядом с бритвой лежал фотоаппарат «Кодак», его тоже подарил Ди Лонгу Вик, когда купил себе «Лейку». Два самых ценных сокровища Ди Лонга.

Вик стоял, глядя на оба предмета и чувствуя, как сердце забилось сильнее и чаще. Ди Лонг ни за что не оставил бы эти вещи, если только не случилось нечто из ряда вон выходящее, вынудившее его... но что же могло случиться?

Быстро развернувшись, он стремительными шагами двинулся к гаражу и поднял широкие ворота. Его бело-голубой «кадиллак» и хозяйский фургон «меркьюри» стояли бок о бок. Какое облегчение видеть их. Он сел в «кадиллак». Ключ был вставлен в замок, и он повернул его, опустил ногу на педаль газа, чтобы завести мотор. Раздалось урчанье, но мотор не завелся. Он трижды пытался завести машину, но мотор просто отказывался работать. Он вылез из машины и подошел к местному фургону, попробовал завести его. И снова услышал урчанье, и снова мотор отказался заводиться.

Вик вылез из фургона и вытер вспотевшие ладони о штаны. Затем открыл капот «кадиллака». Он слабо разбирался в машинах, но сразу же увидел, что все свечи зажигания выкручены. Быстрый взгляд под капот фургона подтвердил, что и с ним произошло то же самое. Кто-то снял свечи зажигания с обеих машин, и теперь они обездвижены.

Вик стоял, застыв посреди большого гаража между двумя бесполезными машинами. Он почувствовал, как капля холодного пота покатилась по лицу, и утер ее тыльной стороной кисти. Будь он один, он бы еще поборолся со сложившейся ситуацией, но он непрестанно думал о Кэрри и ребенке и ощущал страх. Что же это творится, спрашивал он себя. Ни Бруно, ни Ди Лонга, ни оружия, ни телефона, а теперь еще и машин нет. Он вдруг вспомнил, что Кэрри там с Джуниором одна. Он вышел из гаража и широкими шагами пересек лужайку.

Кэрри была в спальне, укладывала детские вещи в небольшой чемодан. Она обернулась, когда он вошел, и Вик остановился. Они посмотрели друг на друга. Он заметил, как она оцепенела. Поднесла руку ко рту. Он понял, что, должно быть, выглядит напуганным, постарался взять себя в руки, но без особого успеха.

– Что там? – резко спросила Кэрри.

– У нас проблемы, – сказал он. – Машины выведены из строя. Мы здесь застряли. И я не знаю, что все это значит.

Кэрри тяжело опустилась на кровать, словно у нее отказали ноги.

– А что случилось с машинами?

– Кто-то снял свечи. Ди Лонг не взял с собой фотоаппарат и бритву. Готов поспорить, он не оставил бы их, если только... – Вик умолк, нахмурился, затем присел на кровать рядом с Кэрри. – Не хочу тебя пугать, но, возможно, это серьезно. Я понятия не имею, что происходит, но кто-то побывал здесь... кто-то, кто... – Он резко замолк, поняв, что сказал слишком много.

Кэрри смотрела на него с побледневшим лицом.

– Значит, ты не думаешь, что оружие забрал Ди Лонг?

– Уже нет. Он ни за что не бросил бы камеру и бритву, если бы решил уйти от нас. Я просто не знаю, что думать.

– Но куда же он тогда подевался? И куда подевался Бруно?

– Не знаю.

Кэрри вскочила на ноги:

– Давай убираться отсюда, Вик! – Голос ее немного дрожал. – Немедленно! Я здесь не останусь!

– Мы не можем отсюда убираться! – сказал Вик. – До шоссе пятнадцать миль. Солнце припекает. Мы не пройдем столько с Джуниором.

– Я здесь не останусь! Мы пойдем! Что угодно, лишь бы не оставаться здесь! Ты понесешь Джуниора. Я возьму его вещи. Я ни минуты здесь не останусь!

Вик поднялся, все еще сомневаясь, но затем пожал плечами:

– Это будет адская прогулка. Ну да ладно. Идем. Нам нужно какое-нибудь питье. Я наполню термос. Еще через час солнце просто раскалится.

– Мне плевать... поторопись, Вик!

Он пошел в кухню и наполнил термос ледяной кока-колой. Сунул в карманы рубашки две пачки сигарет. Прошел в кабинет и взял чековую книжку и три сто долларовые купюры, которые всегда держал на всякий случай. Все это он убрал в карман брюк, после чего вернулся в спальню.

– Ты, пожалуйста, надень панаму. А я возьму зонтик, чтобы прикрыть Джуниора, – сказал он. – Прихвати свои драгоценности, Кэрри. Мы...

Он осекся, когда Кэрри вдруг сдавленно вскрикнула.

Она смотрела на его ноги, и в лице ее не было ни кровинки.

Вик проследил за ее пристальным взглядом и посмотрел на свои белые туфли.

Правая вдоль внутреннего края была запачкана красным... этот красный узнавался безошибочно.

Во время своих хождений по территории ранчо он где-то наступил в лужу крови.

Глава вторая

Чтобы понять происходившее в «Пустоши», необходимо вернуться на три месяца назад, в тот день, когда Солли Лукас, адвокат из Лос-Анджелеса, сунул в рот дуло автоматического пистолета и снес свою лысую макушку.

Солли Лукас защищал в суде гангстеров и как адвокат снискал сомнительную репутацию, зато все знали, что он большой умник и просто нутром чует фондовый рынок. Когда он покончил с жизнью, ему было шестьдесят пять. Последние тридцать лет он был адвокатом и консультантом по инвестициям у одного из самых прославленных преступников со времен Аль Капоне – человека, известного под именем Большой Джим Крамер.

Крамер, которому теперь было почти шестьдесят, начинал свою карьеру в криминальном мире в качестве телохранителя Роджера Тохи¹. Он медленно, через кровопролития, дорос до босса мафии, был избран членом «Корпорации убийств»² и в итоге сделался той железной рукой, что правит профсоюзами хлебопеков и молочников: человек, сколотивший в конце концов состояние в шесть миллионов долларов, которому при этом хватало ума платить налоги с части своих доходов.

Хотя в Федеральном бюро расследований знали, что Крамер – крупный преступник, криминальный вице-король и именно он стоит за некоторыми из громких ограблений банков, ему ни разу не смогли предъявить обвинение. Федералам так и не удалось превзойти хитроумие Крамера, дополненное блистательным адвокатским умением Лукаса напускать туману.

Отметив свой пятьдесят пятый день рождения, Крамер решил завязать с рэкетом. Боссу мафии всегда нелегко бросать бизнес. Обычно в тот момент, когда он собирается выйти из игры, появляется какой-нибудь молодчик с пистолетом, и тут боссу мафии конец, однако Крамер был не дурак. Он знал об этом. У него в кубышке было припрятано шесть миллионов. Он расстался с двумя из них, чтобы купить себе безопасность и спокойствие в будущем. Эти два миллиона так хорошо смазали петли на двери выхода, что он стал одним из очень немногих крупных мафиози, которому удалось покончить с криминальной деятельностью и уйти на покой в комфорте, безопасности и безвестности.

С четырьмя миллионами долларов и Лукасом в качестве консультанта по инвестициям Крамер не боялся будущего. Он купил себе шикарную виллу в Парадиз-Сити неподалеку от Лос-Анджелеса и обосновался там, чтобы наслаждаться светской жизнью на заслуженном отдыхе. Еще будучи боссом мафии, Крамер женился на певице из ночного клуба, Хелен Дорз, стройной большеглазой блондинке, выглядевшей моложе своих лет, которая приняла его таким, какой он есть, – не из-за денег или власти, а потому что имела несчастье влюбиться в него.

Но стоило Крамеру отойти от своей криминальной деятельности и поделельников, как он превратился в чрезвычайно добродушного человека, который великолепно играет в гольф, умело – в бридж, умеет пить, не пьянея, и которого общество Парадиз-Сити, не имевшее ни малейшего понятия о его прежней жизни, приняло как состоятельного, удалившегося от дел бизнесмена, и он снискал в этом обществе большую популярность. Общество Парадиз-Сити приняло и Хелен, теперь немного располневшую и слегка выцветшую, но все еще обладавшую зажигательным вокалом: она могла сесть за фортепьяно и симпровизировать несколько песе-

¹ *Роджер Тохи* – один из братьев Тохи, чикагских мафиози ирландского происхождения. Банда «Ужасных Тохи» занималась в 1930-е годы бутлегерством и игорным рэкетом, принципиально не открывая на своей территории публичных домов. Аль Капоне положил глаз на их владения, желая как раз устроить там бордели, но банда Тохи весьма успешно противостояла гангстерам Аль Капоне. (Здесь и далее примечания переводчика.)

² «*Корпорация убийств*» – неофициальное название нью-йоркской преступной группировки 1920–1940-х годов, созданной мафией для совершения заказных убийств среди своих же для предотвращения войн между мафиозными кланами.

нок немного *gisqué*³, но никогда не опускавшихся до вульгарности и оживлявших вечера в кантри-клубе, если те становились скучноваты.

Иногда Крамер, оставаясь один, когда Хелен отправлялась в Лос-Анджелес за покупками или гольф отменялся из-за дождя, тосковал по тем временам, когда он был гангстерским боссом. Но хотя ему было очень жаль утраченной власти, он ничего не предпринимал в этой связи. Он был чист, а это большая редкость для человека с таким криминальным прошлым, как у него. ФБР так ни разу его и не прижало. Денежки, пускаемые Солли в оборот, приносили отличный ежегодный доход. А сам Крамер был, как он непрестанно напоминал себе, вышедшим из дела счастливым.

Несмотря на твердое решение держаться подальше от любого рэкета, Крамер посвящал часть свободного времени разработке планов блистательных ограблений, похищений или налетов на банки. Эти планы, продуманные до последней детали, помогали коротать время и были для него сродни шахматным задачам. Он мог выбрать банк «Чейз нэшнл» в Лос-Анджелесе и разработать план, следуя которому пять человек смогли бы войти в банк и выйти из него с миллионом долларов. Как-то дождливым вечером, пока Хелен трудилась над своей *petit point*⁴, он набросал проект похищения дочери одного техасского миллиардера с выкупом в несколько миллионов долларов. Эти криминальные задачи не только развлекали его, но и держали в тонусе мозг. Он не собирался воплощать свои планы. И он ни разу не признался Хелен, о чем размышляет долгими часами, погружаясь в молчание и глядя на мерцающий в камине огонь. Если бы она узнала, какие мысли время от времени посещают его, то пришла бы в ужас.

В то утро, когда Солли Лукас застрелился, Крамер провел одну из лучших своих партий в гольф. Они с партнером отправились в клубный бар и заказали по двойному джину и по рюмке лаймового ликера.

Когда Крамер с жадностью опустошил бокал, его окликнул бармен:

– Мистер Крамер, вам звонят из Лос-Анджелеса.

Крамер поднялся, зашел в телефонную кабину и закрыл дверь. Он взял трубку, жизне-радостно напевая себе под нос. Пение быстро оборвалось. Эйб Джейкобс, старший делопроизводитель Солли Лукаса, сообщил ему новость осипшим, срывающимся голосом.

– Застрелился? – повторил Крамер и вдруг ощутил нехватку воздуха.

Он знал Солли тридцать лет. Он знал его как блистательного, хотя и не отличающегося щепетильностью адвоката с безошибочным чутьем на деньги, но еще он знал его как легко теряющего голову сластолюбца и отчаянного, азартного игрока. Лукас не стал бы лишать себя жизни, если бы не достиг дна финансовой пропасти. Крамер ощутил, как на лбу проступает холодный пот. Ему вдруг стало до тошноты страшно за свои четыре миллиона.

Потребовалось две недели сосредоточенных изысканий, чтобы понять, почему Солли покончил с жизнью. Судя по всему, у него было четыре важных клиента... и один из них – Крамер. Каждый доверил ему значительную сумму денег.

Лукас же использовал их деньги на свои цели. Ему не повезло, или же он просто стал слишком стар для спекулятивных игр. Он вкладывал все больше и больше денег своих клиентов, чтобы отсрочить катастрофу. Спекуляции с землей, недвижимостью и акциями в конце концов забросили его на дно пропасти. Когда наступил крах, глубина пропасти составляла девять миллионов долларов, в числе которых были и четыре миллиона Крамера. Лукас хорошо знал Крамера. Такого Крамер никогда бы ему не простил. Он избавил Крамера от необходимости его убивать – он убил себя сам.

Крамеру понадобилось некоторое время, чтобы осознать этот факт: Лукас, бывший его доверенным лицом и другом на протяжении последних тридцати лет, предал его, обрекая на

³ Зд.: двусмысленный, не вполне приличный (*фр.*).

⁴ Разновидность очень мелкой вышивки крестиком (*фр.*).

бедность. За исключением пяти тысяч на счету, акции Крамера, его облигации и даже наличность в банковской ячейке испарились со смертью Лукаса.

Крамер сидел в большом роскошном офисе Лукаса, глядя в лицо Эйбу Джейкобсу, высокому тонкому человеку с головой, похожей на яйцо, и близко посаженными бегающими глазками.

Джейкобс произнес негромко:

– Вот такие дела, мистер Крамер. Сожалею. Я понятия не имел, что он творит. Меня он не посвящал. Вы не единственный. Он за два года потерял примерно девять миллионов. Мне кажется, он просто сошел с ума.

Крамер медленно поднялся на ноги. Первый раз за всю жизнь он ощутил себя стариком.

– Не впутывай меня, Эйб, – сказал он. – Я не потерял ни цента... слышишь? Если пресса доберется до меня, я доберусь до тебя!

Он вышел на залитую солнцем улицу и сел в машину.

Посидел несколько минут, пустым взглядом таращась в ветровое стекло, не видя ничего, кроме унылого, безденежного будущего. Нужно ли сообщать Хелен? Он решил, что не скажет ей, во всяком случае пока. Но что же делать дальше? Как ему теперь жить? Он подумал о новом «кадиллаке», который уже заказал. А еще о боа из норки, которое обещал Хелен на день рождения. Он забронировал каюту на шикарном лайнере, чтобы совершить круиз по Азии, – еще не оплатил, но Хелен была вся в предвкушении и только об этом и говорила. У него было заключено несколько договоренностей, требовавших крупных вложений. Жалкие пять тысяч в банке растворятся за неделю, если он попытается выполнить эти договоренности.

Он закурил сигару, завел машину и медленно поехал обратно в Парадиз-Сити. Все время пути его мозг лихорадочно работал. Что-то необходимо предпринять, и предпринять срочно. Крамер не просто так считался опасным преступником. Ну ладно, сказал он себе, яростно жуя сигару. В финансовом смысле он ноль. Что ж, он не настолько стар, чтобы не начать сначала, вот только как? В том-то и вопрос... как? Сколотить четыре миллиона долларов, когда тебе шестьдесят... невыполнимая задача... если только...

Его серые глаза сузились. Загорелое лицо с квадратной челюстью, тонкогубым ртом и длинным толстым носом превратилось в жесткую, лишенную выражения маску, пока его мозг пытался нащупать выход из финансовой дыры. Он вернулся на виллу и увидел, что Хелен куда-то собирается. Она с тревогой посмотрела на мужа.

– Ты узнал, почему он так сделал? – спросила она, когда Крамер тяжело ступил в холл.

– Он разорился, – коротко ответил Крамер. – Слишком умный был... как и все они. Знаешь, детка, ты поезжай. Мне нужно кое-что обдумать.

– Ты хочешь сказать, он остался без денег?

Хелен пристально смотрела на мужа, и в ее серо-зеленых глазах отражался страх. Она всегда считала Солли Лукаса кем-то вроде финансового чародея. Она не могла поверить, что именно Солли, а не кто-то другой потерял деньги.

Крамер безрадостно улыбнулся:

– Именно так. Остался без цента в кармане.

– Но почему он не обратился к нам? Мы ведь могли бы ему помочь, – сказала Хелен, заламывая руки. – Бедный Солли! Почему он не пришел к нам?

– Так ты едешь? – спросил Крамер, и его лицо налилось кровью. – У меня еще дела.

– Я думала съездить в центр... насчет норкового боа. Портниха хотела, чтобы я выбрала мех.

Крамер короткий миг колебался. Не время покупать норковые боа, сказал он себе, но ведь он обещал Хелен. Они успеют отменить заказ, если дела пойдут действительно скверно.

Он похлопал ее по руке:

– Поезжай. Пока.

И он направился в свой кабинет, большую комнату с книгами, письменным столом, тремя креслами и видом на розарий.

Он прикрыл дверь и сел за стол. Закурил сигару.

Услышал, как Хелен отъехала в своем двухместном «ягуаре». У него два часа, возможно, чуть больше, чтобы обдумать сложившееся положение, пока Хелен не вернулась. Двое чернокожих слуг, которые ведут хозяйство, не станут его беспокоить. Он сидел без движения, устремив пустой взгляд серых глаз на дымок от сигары. Тихо двигались стрелки часов на письменном столе. В комнате не было слышно ни звука, если не считать их негромкого тиканья и тяжелого дыхания Крамера. Он так и сидел, погруженный в мрачные раздумья злой гений, твердо решивший вернуть свое состояние, если только сумеет придумать способ.

Он думал почти целый час, а потом вдруг вскочил с места. Подошел к окну, невидящим взглядом посмотрел на аккуратный газон и богатые клумбы с розами. Затем он пересек комнату, отпер ящик письменного стола и достал оттуда дешевую папку из манильской бумаги. Он открыл папку и задумчиво просмотрел стопку аккуратно подшитых газетных вырезок. Он перебирал вырезки, и его грубое лицо задумчиво хмурилось. Наконец он закрыл папку и положил ее обратно в ящик стола.

Крамер тихо подошел к двери кабинета, отворил ее и прислушался. Из конца коридора доносились едва слышные голоса Сэма и Марты, его работников, болтавших в кухне. Он закрыл дверь, вернулся к столу, пошарил в верхнем ящике справа и нашел маленькую потертую записную книжку. Уселся и полистал ее.

В конце концов он нашел нужный ему телефонный номер. Сказал телефонистке, что хочет говорить с Сан-Франциско. Продиктовал номер из книжки. Телефонистка сказала, что перезвонит.

Крамер положил трубку на рычаг, загасил сигарный окурок и откинулся на спинку стула. Его лицо теперь превратилось в каменную, лишенную выражения маску, взгляд сделался жестким. После долгой задержки телефонистка наконец перезвонила.

– Вызываемый абонент на проводе, – сказала она. – Номер изменился. – В ее голосе слышалось раздражение из-за того, что ей пришлось так потрудиться.

Крамер вслушивался в щелчки на линии. Услышал, как мужской голос произнес:

– Алло? Кто говорит?

И он сказал:

– Я хочу поговорить с Мо Зегетти.

Мужчина ответил:

– Я Зегетти. Кто спрашивает?

– Не узнал тебя по голосу, Мо, – сказал Крамер. – Кажется, много лет прошло... семь вроде бы?

– Кто это? – Мужской голос прозвучал резче.

– А как сам думаешь? – спросил Крамер, оскалившись по-волчьи. – Давненько не виделись, Мо. Как поживаешь?

– Джим! Святые угодники! Это ты, Джим!

– А кто же еще? – сказал Крамер.

Мо Зегетти с трудом верил, что слышит голос Джима Крамера. Для него это было такое же потрясение, как если бы ему позвонил президент Соединенных Штатов.

Пятнадцать лет Мо был правой рукой Крамера. Мо отвечал по меньшей мере за двадцать крупных ограблений банков, спланированных Крамером. И все пятнадцать лет и полиция, и криминальный мир считали Мо одним из лучших мастеров своего дела. Казалось, нет такого, на что он не способен. В числе прочего он умел открывать самые сложные сейфовые замки, срезать карманы, подделывать сто долларовые купюры, отключать самую надежную сигнализацию, увозить поделывальщиков с места преступления и пробивать с пятнадцати ярдов поставлен-

ную ребром игральную карту из тридцать восьмого калибра. Однако, несмотря на все технические навыки, Мо не хватало организаторских способностей. Если ему давали план работы, он добивался успеха, но, предоставленный самому себе, составляя свой собственный *modus operandi*⁵, он безнадежно проигрывал.

Этот печальный факт он осознал после того, как Крамер вышел в отставку. Мо попытался выполнить самостоятельно одну совсем простую работу, опираясь на собственный план. Его немедленно повязали, и он провел шесть душераздирающих лет в исправительном заведении Сан-Квентин, и поскольку полиция была уверена, что он причастен к огромному множеству блистательных банковских ограблений, надзирателям шепнули словечко, и Мо пришлось там несладко.

Он вышел из тюрьмы сломленным человеком. Теперь, в сорок восемь, он начал толстеть, и у него было воспаление почки, полученное в результате одного жестокого избиения в тюрьме. От него осталась лишь тень того человека, который считался самым талантливым исполнителем в криминальном мире.

Хотя за свою гангстерскую карьеру он заработал впечатляющую сумму, он всегда был простофилей и рискованным игроком. Из тюрьмы он вышел без гроша, но у него, по крайней мере, было куда пойти... к маме.

Семидесятидвухлетняя Долл Зегетти содержала в Сан-Франциско два борделя класса люкс. Это была крупная, красивая женщина, обожавшая сына, который обожал ее. В тот день, когда Мо вошел в ее красиво обставленную квартиру, освободившись из тюрьмы Сан-Квентин, Долл была потрясена произошедшей в нем переменой. Она догадалась, что его нервы расшатаны и, чтобы он снова встал на ноги, ему требуется самый бережный уход.

Она поселила сына в трехкомнатных апартаментах и велела отдыхать. Что Мо с радостью и делал. Он проводил долгие часы, просиживая в кресле у окна, наблюдая за суетой в гавани и предаваясь безделью. От одной только мысли о том, чтобы снова вернуться в мир гангстеров, кровь стыла у него в жилах.

И такое положение сохранялось полтора года. Мо часто вспоминал о Крамере, перед которым преклонялся и умом которого восхищался: требовалась невероятная изворотливость, чтобы суметь отойти от дел с четырьмя миллионами в кармане и ускользнуть от занесенного меча правосудия. Мо ни разу не приходило в голову что-нибудь попросить у Крамера. Он даже не думал, что бывший босс мог бы чем-то ему помочь.

А потом дела у Долл пошли плохо. Капитан О'Харди из отдела по борьбе с проституцией вышел в отставку, и появился новый начальник. Этот капитан Кэпшоу, тощий квакер с жестким взглядом, ненавидел проституцию и взятки не брал. Спустя три недели после вступления в должность он прикрыл оба борделя Долл и арестовал почти всех ее девушек. Долл неожиданно осталась без источника дохода, да еще и вся в долгах. Полученный удар словно парализовал ее. Она заболела и теперь лежала в больнице, сдавая какие-то непонятные анализы, которые ужасно пугали Мо.

Еженедельные денежные вливания от Долл прекратились, и для Мо настали тяжелые времена. Он съехал из трехкомнатной квартиры и снял комнату в гнусном доме рядом с доками Фриско. Прежде чем искать работу, он снес в ломбард свою одежду и разнообразные скопившиеся пожитки. И только когда перед ним замаячила перспектива голодной смерти, он с неохотой отправился на поиски работы.

В итоге он устроился официантом в маленький итальянский ресторан.

Единственное умное дело Мо сделал, когда сообщил на телефонную станцию Фриско о смене номера. Благодаря его предусмотрительности Крамер его и нашел. Прошло несколько

⁵ Образ действия (*лат.*) – на юридическом языке означает способ совершения преступления.

минут, пока Мо в полной мере осознал, что на другом конце провода действительно Крамер. Ему пришлось обуздать свое волнение, произнося:

– Большой Джим! Вот уж не думал снова услышать твой голос!

Знакомый раскатистый смех Крамера докатился до него по проводам.

– Как поживаешь, Мо? Как твои дела... все в порядке?

Мо оглядел узкий ресторан с тесно поставленными засаленными столами, с закопченными окнами и с остатками многочисленных обедов, дожидаящимися, пока он их уберет. Заметил собственное отражение в засиженном мухами зеркале за барной стойкой: толстый коротышка с густой щеткой седеющих волос, с тяжелыми бровями и темными испуганными глазами на белом, покрытом испариной лице.

– Я в полном порядке, – солгал он. Не стоит Большому Джиму знать, во что он вляпался. Он знает Большого Джима – неудачники тому не нужны. Он глянул на Франсиоли, своего босса, который подсчитывал выручку, а потом, понизив голос, добавил: – У меня теперь свое дело... идет отлично.

– Прекрасно, – сказал Крамер. – Слушай, Мо, я хочу с тобой увидеться. Тут кое-что нарисовалось... возможно, тебя заинтересует. Деньги большие... когда я говорю «большие», значит большие. Твоя доля составит четверть миллиона баксов. Тебе интересно?

Мо весь взмок.

– Тут телефон что-то барахлит, – сказал он. – Что ты сказал?

– Я сказал, наклеивается кое-что, – медленно повторил Крамер. – Твоя доля составит четверть миллиона баксов.

Мо закрыл глаза. Он вдруг снова оказался в маленькой камере, где лежал скорчившись у дальней стены, а на него с ухмылками надвигались двое охранников. С намотанными на массивные кулачищи кожаными ремнями. Он ощутил горечь во рту, и воспоминание о жутких побоях заставило его содрогнуться от страха.

– Алло? – В голосе Крамера теперь слышалось нетерпение. – Ты меня слышишь, Мо?

– Конечно... звучит неплохо. Но что за дело, Джим?

– Это не телефонный разговор, – резко ответил Крамер. – Я хочу, чтобы ты приехал ко мне. И мы поговорим. Ты знаешь, где я живу... Парадиз-Сити. Когда сможешь быть?

Мо в смятении оглядел свою поношенную одежду. Второй его сохранившийся костюм почти в таком же состоянии. Он знал, как живет Большой Джим. Чтобы добраться до Парадиз-Сити, нужно долларов двадцать, а у него их нет. Выходных в ресторане не бывает, он работает даже по воскресеньям, однако в душе его шевельнулось что-то давно забытое. Большой Джим и четверть миллиона! Большой Джим никогда его не подводил!

Понизив голос, чтобы Франсиоли не услышал его слова, он проговорил:

– Я смогу приехать в субботу. Прямо сейчас я очень занят.

– Что там у нас сегодня... вторник? Дело срочное, Мо. Мне надо, чтобы ты приехал пораньше. Давай в четверг. Не каждый день подворачиваются такие деньги. Как насчет четверга?

Мо утер со лба пот тыльной стороной кисти:

– Как скажешь, Джим. Ладно... я буду в четверг.

Он заметил, что Франсиоли теперь слушает и сверлит его злобным взглядом.

– Лучше самолетом, – сказал Крамер. – Я встречу тебя в аэропорту. Есть рейс, который прилетает в одиннадцать сорок три. Мы с тобой сразу поедem на ланч. Идет?

Это будет стоить ему работы, подумал Мо, но снова увидеться с Большим Джимом!

– Я приеду.

– Отлично... буду ждать тебя, Мо. – И связь прервалась.

Мо медленно положил трубку на рычаг.

Франсиоли, от которого разлило потом и сладким вином, подошел к нему.

– Что все это значит? – с нажимом спросил он. – Ты куда-то собрался?

– Да так, ничего, – ответил Мо, вытирая руки о грязный фартук. – Один пьяница звонил. Мы с ним приятельствовали много лет назад. Такой дурак.

Франсиоли с подозрением посмотрел на него.

– А ты будто нет, – сказал он и принялся намыывать стаканы.

Остаток дня тянулся для Мо очень медленно. Волшебные слова «четверть миллиона» горели в мозгу. Около четырех часов он вернулся в свою комнатенку.

У него было два часа свободного времени, а потом нужно возвращаться в ресторан. Он действовал как человек, которому приходится отчаянно спешить. Сорвал с себя засаленную одежду и вымылся. Прошелся электробритвой по отросшей темной щетине. Надел чистую рубашку и свой лучший костюм. Переодеваясь, он слышал, как хрипящий транзистор в квартире под ним во всю мочь исторгает какую-то нестройную музыку.

Не обращая внимания на этот шум, он спешно завершил свой туалет. Сбежал по четырем лестничным пролетам и выскочил на жаркую улицу. Быстро дошел до троллейбусной остановки. По дороге остановился, чтобы купить маленький букетик фиалок. Он каждый день покупал фиалки для Долл. Это были ее любимые цветы.

Троллейбус довез его до самых дверей больницы. Он поднялся по ступенькам и пошел по коридорам, пока наконец не оказался в длинной, наводящей тоску палате, полной пожилых женщин, больных и умирающих, которые наблюдали за его долгим движением по натертому полу до кровати, где лежала мать.

Каждый раз при виде ее он испытывал потрясение. Она как будто сохла на глазах. Ее красивое, выразительное лицо приобретало цвет старой слоновой кости. Боль оставила глубокие морщины вокруг рта, и сегодня он впервые прочитал в ее глазах готовность сдаться. Он сел на жесткий стул рядом с кроватью и взял мать за руку.

Она сказала, что у нее все хорошо и ему не о чем беспокоиться. Через пару недель она поправится, встанет на ноги и вот тогда придумает, как справиться с капитаном Кэпшоу. В ее глазах еще светился слабый огонек сопротивления, однако Мо посетило ужасное предчувствие, что никогда она уже не встанет на пол своими большими, крепкими ногами.

Он рассказал ей о телефонном разговоре с Крамером.

– Не понимаю, что все это значит, – сказал он, – но ты ведь знаешь Большого Джима... он никогда меня не кидал.

Долл сделала долгий, медленный вдох. От услышанной новости позабылась мучительная боль в левом боку. Она всегда восхищалась Большим Джимом, который частенько захаживал в ее заведения, нещадно использовал ее девочек, а потом выпивал вместе с ней полбутылки скотча, прежде чем уйти. Вот настоящий мужчина! Сильный, способный и очень-очень умный! Мужчина, который сумел завязать с рэкетом и уйти с четырьмя миллионами, и теперь он зовет к себе ее сына!

– Встреться с ним, Мо, – сказала она. – Большой Джим никогда не ошибается! Четверть миллиона! Подумать только!

– Да... если Большой Джим говорит, что дело стоящее, значит так оно и есть. – Мо неловко поерзал на стуле. – Но, мама, я не могу ехать в таком виде... он хочет, чтобы я прилетел самолетом. Я... я ему сказал, что у меня все отлично... что у меня свой ресторан. Ты ведь знаешь Джима. Я не мог сказать ему, в каком мы положении.

Долл поняла, о чем он, и кивнула.

– У меня есть деньги, Мо, – сказала она. – Когда ты прилетишь к нему, то прилетишь с шиком. – Она покопалась в прикроватной тумбочке и вынула черную сумочку из крокодиловой кожи, одну из немногих ценных вещей, какую ей удалось сохранить. Достала из сумочки конверт и протянула ему. – Возьми, Мо. Подбери себе хороший костюм, приоденься. Тебе

нужна пижама, рубашки и прочие мелочи. Достань хороший чемодан. Большой Джим обращает внимание на такие детали.

Мо заглянул в конверт. Глаза его широко раскрылись, когда он увидел там десять сотенных бумажек.

– Святые угодники, мама! Откуда это?

Долл усмехнулась:

– Приберегла. Это мой неприкосновенный запас, сынок. Теперь он твой. Трать с умом. Больше ничего не будет.

– Но они нужны тебе, мама! – Мо так и смотрел на деньги, словно загипнотизированный. – Я не могу их взять. Тебе понадобится каждый цент, если ты хочешь поправиться.

Долл прижала к боку ладонь. Мучительная боль вернулась, и от нее бросало в пот.

– Ты же едешь, чтобы заработать четверть миллиона, глупый, – сказала она. – Когда поговоришь с Джимом, у нас будет полно денег. Бери.

Мо взял деньги. Он вернулся в ресторан и сказал Франсиоли, что увольняется. Франсиоли пожал плечами. Официанты, сказал он, идут по дюжине за десять центов. Он не захотел пожать Мо руку на прощание, и это расстроило Мо – он теперь вообще легко расстраивался.

Всю среду он потратил на покупку необходимых вещей. Потом вернулся в свою паршивую комнатенку и принялся укладывать купленный чемодан из свиной кожи и облачаться в новый костюм. Он уже сделал стрижку и маникюр. Поглядев на себя в зеркало, Мо с трудом узнал этого благополучного человека, который посмотрел на него в ответ.

Взяв чемодан, он поспешил в больницу, не забыв купить по дороге фиалок. Дежурная сестра коротко сообщила ему, что сегодня его мать не принимает посетителей. У нее небольшие боли, и ее лучше не беспокоить. Мо смотрел на стройную блондинку, и его сердце раздирали отчаяние и страх.

– Но с ней ничего серьезного? – спросил он робко.

– О нет. Ей просто немного нехорошо. Она отдыхает. Вы лучше навестите ее завтра.

Кивнув, сестра отошла, на ходу поправляя пояс, ее мысли явно были заняты какими-то другими вещами.

Мо потоптался на месте, потом медленно двинулся к выходу. Только выйдя на улицу, он понял, что так и несет букетик фиалок. Он вернулся к продавщице цветов и протянул ей фиалки.

– Мама сегодня плохо себя чувствует, – сказал он. – Возьмите цветы себе. Завтра я куплю еще. Она была бы рада, если бы вы взяли цветы.

Вернувшись к себе, он сел на кровать и закрыл лицо руками. Он сидел так, пока не удлинились тени и в комнате не стало совсем темно. Он забыл, как нужно молиться, но он попытался. Все, что у него получилось, бормотать снова и снова:

– Святой Иисус, присмотри за мамой. Позаботься о ней, останься с ней. Она нужна мне. На большее он был не способен.

Когда транзистор в квартире этажом ниже оглушительно заорал, он спустился к телефону-автомату на другой стороне улицы и позвонил в больницу.

Бесстрастный женский голос сообщил, что его матери все еще немного нехорошо. Он попросил поговорить с ее лечащим врачом, и ему сказали, что врач занят. Остаток вечера Мо провел в баре. Он выпил две бутылки кьянти и, когда наконец вернулся к себе, был слегка пьян.

Глава третья

Утром в четверг Крамер, пока ел яичницу с ветчиной, а Хелен, которая никогда не завтракала, наливала ему вторую чашку кофе, произнес как будто между прочим:

– Милая, ко мне сегодня утром прилетает Мо Зеgetti. Он останется на ланч.

Хелен расплескала кофе, повернувшись, чтобы посмотреть на мужа.

– Кто?

– Мо Зеgetti. Ты ведь его помнишь? – сказал Крамер, не глядя на нее. Он потянулся за тостом и принялся размазывать по нему масло.

– Ты говоришь об этом... этом жулике? Он же только что вышел из тюрьмы, кажется?

– Он вышел почти два года назад, – мягко произнес Крамер. – И он хороший парень. Ты ведь раньше его любила, Хелен.

Хелен резко опустила на стул. Она немного побледнела.

– Чего он хочет?

– Ничего. У него теперь свое дело, – сказал Крамер, помешивая кофе. – Он звонил мне вчера. Приезжает в Парадиз-Сити по делам. Он знает, что я здесь, и решил меня навестить. Приятно увидаться со старым другом. Он хороший малый.

– Он преступник! – с нажимом произнесла Хелен. – Джим! Ты обещал держаться подальше от этих негодяев. Ты должен помнить о нашем положении! А что, если кто-нибудь узнает, что сюда заходил бывший заключенный?

Крамер с трудом сдерживал нарастающий гнев.

– Да брось, Хелен, успокойся. Он просто старый друг. И то, что он сидел в тюрьме, ничего не значит. Теперь он честный гражданин. Я же сказал... у него свое дело.

Хелен посмотрела на мужа долгим испытующим взглядом.

Он заставил себя взглянуть ей в глаза и улыбнуться.

– Что у него за дело?

Крамер пожал плечами:

– Не знаю. Спросишь сама, когда увидишься с ним.

– Я не хочу его видеть! Не хочу, чтобы он приходил сюда! – Она сделала глубокий вдох и продолжила: – Послушай, Джим, ты уже пять лет как вышел из игры, вот и сиди тихо!

Крамер доел последний кусочек ветчины и отодвинул тарелку. Закурил сигарету.

Повисла долгая пауза, а потом он сказал со сталью в голосе:

– Никто не смеет указывать мне, что делать, Хелен, и даже ты. Просто успокойся. Мо приедет сюда на ланч. Он приедет, потому что он мой старый друг, никаких иных причин нет... и потому успокойся.

Хелен увидела опасный огонек в серо-стальных глазах и содрогнулась. Она всегда немного побаивалась мужа, когда он смотрел вот так. Она понимала, что не становится моложе, что толстеет, и каждое утро сокрушалась, рассматривая в зеркале свое увядающее лицо. Крамер же в свои шестьдесят был по-прежнему энергичен и не утратил желания. Он пока ни разу не взглянул на других женщин, но она все больше и больше опасалась, что, если поведет себя неправильно, он может пойти налево.

Встав со стула, Хелен выдавила из себя улыбку:

– Хорошо, дорогой. Я приготовлю что-нибудь вкусенькое. Я ничего такого и не думала. Просто испугалась, что он появится здесь... человек из прошлого.

Крамер изучающе смотрел на нее.

– Бояться тут нечего, – сказал он, вставая из-за стола. – Ладно, я в аэропорт. Мы приедем примерно к половине первого. Пока, милая.

Он похлопал ее по спине тяжелой рукой, мимоходом коснулся губами ее щеки и вышел из комнаты.

Хелен снова села на свой стул. У нее вдруг подкосились ноги. Мо Зеgetti! Она мысленно вернулась в те годы, когда Мо был правой рукой Джима. Она ничего не имела против Мо лично, она боялась того, что он символизировал. Бывший заключенный! Здесь, в Парадиз-Сити, где они с Джимом пробили себе дорогу в высшее общество города и считались приятной, респектабельной парой, всегда желанными гостями на любой вечеринке. А ну как кто-нибудь узнает, что Мо был у них на ланче? Она закрыла лицо рукой. И о чем только Джим думал?

* * *

Инспектор Джей Деннисон и специальный агент Том Харпер, оба сотрудники ФБР, нетерпеливо дожидались в аэропорту, когда объявят их рейс до Вашингтона. Деннисон, плотный, мускулистый мужчина с рыжеватыми усами и россыпью веснушек на толстой переносице, подбирался к сорока восьми годам: безупречный, много работающий федеральный агент, штаб-квартира которого находилась в Парадиз-Сити. Харпер на фоне инспектора казался зеленым юнцом. Он был длинный, тощий, лет на двадцать моложе инспектора, и карьера его только начиналась. Но даже Деннисон, суровый начальник, был доволен тем, как работает Харпер. Оба они прикипели друг к другу, а теперь Харпер еще и собирался жениться на дочери Деннисона.

Пока они сидели в стороне от бурлящей толпы, Деннисон вдруг положил руку на плечо Харпера.

– Смотри-ка, кого к нам ветром принесло, – сказал он. – Вон тот жирный коротышка, который только что вышел из зоны прибытия.

Харпер углядел невысокого толстого человека с седеющими волосами и жирным, круглым, потным лицом, который только что вошел в зал. Он ничего не значил для Харпера, и спецагент вопросительно взглянул на шефа.

Деннисон поднялся с места.

– Действуем осторожно, – сказал он. – Этот пройдоха очень меня интересует.

Двое мужчин как будто случайно двинулись вслед за коротышкой, неся новенький чемодан. Когда тот дошел до двойных стеклянных дверей, за которыми была стоянка с рядами такси и частных автомобилей, Деннисон притормозил.

– Это Мо Зеgetti, – сказал он, наблюдая за Мо, который остановился, неуверенно озираясь по сторонам. – Помнишь его? Встречаться с ним ты не мог... это было до тебя, но ты наверняка помнишь его дело.

– Так это Зеgetti, – произнес Харпер, и на его худом лице отразился интерес. – Конечно, дело я помню. Он был помощником Крамера и в какой-то момент входил в число главных воротил мафии. Отсидел шесть лет, на свободе уже два года и с тех пор ведет себя хорошо. Судя по виду, устроился неплохо. Вон какой у него славный чемодан.

Деннисон взглянул на Харпера и одобритительно кивнул:

– Это он самый. Интересно, что он здесь делает.

– Смотрите... слева от вас. Это же Крамер собственной персоной!

Голос, искаженный репродуктором, объявил, что все пассажиры на рейс до Вашингтона должны пройти к выходу номер пять.

Деннисон и Харпер задержались и успели увидеть, как Крамер помахал своей большой рукой, и Мо Зеgetti направился к нему, после чего двое федеральных агентов с неохотой развернулись и зашагали вместе с толпой к выходу номер пять.

– Крамер и Зеgetti... несокрушимая парочка, – задумчиво проговорил Деннисон. – Возможно, что-то замышляют.

– Вы же не думаете, что Крамер откажется от спокойной жизни? – спросил Харпер. – Он ведь не сумасшедший, при его-то деньгах.

Деннисон пожал плечами:

– Не знаю. Я тут задавался вопросом, с чего это Солли Лукас застрелился. Он занимался финансами Крамера. Ладно, мы за ними приглядим. Я скажу парням, когда сядем в самолет. Двадцать один год я жду, чтобы прищучить Крамера. Если он снова займется делами... это мой шанс.

Не догадываясь, что за ним наблюдают, Мо двинулся через стоянку к Крамеру, который шагнул ему навстречу. Сближаясь, оба внимательно всматривались друг в друга, с интересом подмечая перемены, произошедшие с их последней встречи семь лет назад.

Крамер показался Мо бронзовым от загара и подтянутым, хотя он значительно погрузнел. У него больше не было той стремительной, пружинистой походки, какую помнил Мо, но это не особенно его удивило. В конце концов, Большому Джиму уже шестьдесят, а в таком возрасте никто не бегают, как мальчишка. На Крамере были темно-коричневая замшевая куртка для гольфа, бежевые габардиновые брюки и белая фуражка. Он выглядел процветающим и умиротворенным.

Крамер же отметил, что Мо слишком толстый и бледный. Вид у него был нездоровый и обессиленный. Это открытие заставило Крамера внимательнее присмотреться к Мо. А потом он заметил смущение, едва ли не испуг в темных глазах, и то, как нервно Мо поджимает и распускает губы.

Чисто внешне, подумал Крамер, Мо выглядит вполне благополучным. Если бы он скатился на дно, то не смог бы позволить себе такой чемодан, как тот, что зажат у него в руке.

– Рад снова тебя видеть, – сказал Крамер, пожимая Мо руку. – Как поживаешь?

Почувствовав железную хватку, Мо напряг свою вялую ладонь. Он сказал, что поживает отлично и ему приятно снова видеть Крамера. Мужчины пошли к сверкающему черному «кадиллаку».

– Это твой, Джим? – спросил впечатленный Мо.

– Ага, но я собираюсь менять его на новую модель, – не удержавшись, похвастался Крамер. – Садись. Хелен готовит для тебя что-то особенное на ланч. Не хочу, чтобы мне надрали уши за опоздание.

Когда они выехали на шоссе, Крамер спросил, как поживает Долл.

Мо обрисовал ему ситуацию.

Крамер был потрясен. Он всегда обожал Долл.

– Она выкарабкается, – сказал он. – Она сильная, Мо. Понимаешь... рано или поздно со всеми нами случается что-то подобное, но мы проходим через испытание, пройдет и она.

Мимоходом он спросил о Сан-Квентине. И краем глаза увидел, как руки Мо сжались в кулаки. Мо сказал напряженным, стиснутым голосом, что там было весьма паршиво.

– Догадываюсь, – серьезно произнес Крамер и покачал головой. Тюрьма снилась ему в кошмарах. Он знал, что избежал Сан-Квентина в самый последний момент. – Что ж, это уже позади. Так и надо к этому относиться... это уже позади.

Оставшиеся двадцать миль пути они болтали о том о сем, вспоминали прошлое, называли имена людей, каких знали когда-то, места, где бывали вместе. Не было сказано ни слова о том, чего ради Крамер позвал Мо.

Ланч прошел вполне благополучно. Хелен приготовила отличную еду, хотя и несколько тяжеловатую, но Мо быстро понял, что она не рада его визиту, и это его немного расстроило.

Где-то в середине трапезы Хелен прямо спросила его, чем он сейчас занимается.

Мо сказал, что держит ресторан и дела идут отлично.

– В таком случае что ты делаешь в Парадиз-Сити? – требовательно спросила Хелен, почти не скрывая свою неприязнь.

Поскольку Мо медлил с ответом, вмешался Крамер:

– Он подыскивает место для еще одного ресторана. Отличная мысль. Нам в Парадиз-Сити не помешал бы хороший итальянский ресторан.

После ланча Хелен объявила, что поедет в город, а потом заглянет в «Бридж-клуб».

Когда мужчины остались одни, Крамер сказал:

– Давай-ка пройдем в кабинет, Мо. Я хочу с тобой поговорить.

Мо, которого чрезвычайно впечатлили дом Крамера, его сад, тщательно подобранная мебель и декор, пошел за Крамером в кабинет. Он поглядел в большое окно на розарий и с завистью покачал головой.

– Да, Джим, отличное местечко ты себе отхватил, – сказал он, когда Крамер жестом предложил ему садиться. – Должно быть, ты очень им доволен.

Крамер сел, пододвинул Мо коробку с сигарами, потом взял себе одну.

– Место неплохое, – сказал он и, помолчав, продолжил: – Помнишь Солли Лукаса?

Мо нахмурился, затем кивнул:

– Конечно. Что он теперь подделывает... все еще работает на тебя, Джим?

Крамер сидел, подавшись вперед, его мясистое лицо сделалось жестким как гранит.

– Он пару недель назад застрелился. Сделал работу за меня.

Мо вздрогнул и откинулся на спинку кресла, внимательно глядя на Крамера.

– Именно, – продолжал Крамер. – Он нагрел меня на четыре миллиона долларов. Но это между нами, Мо. Хелен не знает, и я не хочу, чтобы она узнала. – Он безрадостно усмехнулся. – Наверное, у тебя сейчас больше долларов, чем у меня центов.

Мо был настолько ошеломлен, что не мог придумать, что ответить. Он только смотрел на Крамера. Большой Джим... попал на четыре миллиона! Просто невероятно!

– Я должен добыть себе денег, – продолжал Крамер. – Это возможно сделать, но мне понадобится помощь. Ты первый, о ком я подумал. Мы с тобой всегда хорошо работали вместе. Мы и теперь можем проверить крупное дело.

Мо все еще не находил что сказать.

– У меня есть одна мысль, – произнес Крамер после паузы. – Она принесет кучу «зелени», если мы все правильно разыграем. Я все организую и устрою, но мне нужен ты. Не смотри так испуганно, Мо. Я вот что тебе скажу: риска никакого! Это я обещаю! Никакого риска... понимаешь? – Он внимательно посмотрел на Мо. – Я не стал бы тебе предлагать, Мо, если бы это было хоть немного опасно. Я знаю, как туго тебе пришлось в Сан-Квентине. Послушай... даю тебе слово, что ты никогда не вернешься туда, если будешь работать со мной. В этой работе никакого риска, иначе стал бы я, в моем-то возрасте, подставлять свою шею или рисковать твоей?

Мо вдруг позабыл все свои страхи. Если Большой Джим говорит, что может без риска достать для него четверть миллиона, то, как бы невероятно это ни звучало, Большой Джим достанет.

За те пятнадцать лет, что Мо работал с Крамером, он никогда не боялся последствий. Он до сих пор безоговорочно верил в Крамера: когда Крамер обещал что-то, глядя суровым взглядом... он обещал наверняка.

– А что за дело? – спросил Мо, и на его лице отразилось волнение.

Крамер вытянул длинные ноги и выпустил в потолок облачко душистого дыма.

– Ты слышал когда-нибудь о Джоне ван Вайли?

Мо озадаченно помотал головой.

– Это нефтяник из Техаса. Ты можешь не поверить, потому что в это трудно поверить, но он стоит больше миллиарда долларов.

Мо заморгал.

– Никто не может столько стоять, – сказал он. – Миллиард! Откуда у человека может быть столько «капусты»?

– Его отец наткнулся на нефть еще в девяностых⁶, – сказал Крамер. – Старик купил за бесценок сколько-то акров земли в Техасе, когда все еще только начиналось. И где он ни бурил, везде обнаруживалась нефть. Ни разу не было пустой скважины... только представь! Когда старик умер, за дело взялся сын, а он оказался куда более расчетливым бизнесменом, чем папаша. Из каждого доллара, сделанного отцом, Джон ван Вайли делал десять. Говорю тебе, он сейчас стоит больше миллиарда долларов.

Мо утер вспотевшее лицо:

– Я слышал, что такое случается, но никогда не верил.

– Я уже много лет слежу за жизнью ван Вайли, – сказал Крамер. – Этот парень меня завораживает. – Он встал, отпер ящик письменного стола и достал одну из папок с газетными вырезками. – Все эти вырезки посвящены семейству ван Вайли. Я теперь знаю о них почти так же много, как они сами. – Он уронил папку обратно в ящик, вернулся к своему креслу и сел. – Я время от времени развлекаюсь, продумывая схемы добычи больших денег, хотя у меня и в мыслях не было, что придется снова вступать в игру. Однако придется, и эти мои идеи принесут прибыль. – Он сбил пепел с сигары и продолжил: – Ван Вайли лишился жены... рак. Осталась дочь. Так получилось, что внешне она точная копия матери. Мне доподлинно известно, что только дочь что-то значит для ван Вайли в этой жизни.

Крамер долго смотрел на тлеющий кончик сигары, а затем сказал:

– У ван Вайли есть все, что нужно человеку. Он просто физически не способен истратить все заработанные деньги. Он ничего не ценит, потому что, если потеряет какую-то собственность, у него есть деньги купить новую. – Еще одна долгая пауза, а потом Крамер негромко закончил: – Вот только новую дочь он не сможет купить.

Мо ничего не сказал. Он ждал, сознавая, что его сердце начинает биться все сильнее.

Крамер подался вперед, лицо его было сурово, глаза сверкали.

– Поэтому мы схватим девчонку и совершим с ее отцом отличную, безопасную, приватную сделку на четыре миллиона.

Мо окаменел. Его сердце перестало биться. Темные глаза широко распахнулись.

– погоди-ка минутку, Джим! – Его голос зазвенел. – Это же федеральное преступление! Мы можем закончить в газовой камере!

– Неужели ты думаешь, что я этого не предусмотрел? – нетерпеливо произнес Крамер. – Я же сказал тебе: это будет отличная, безопасная, приватная сделка. Задумайся об этом на миг. Ван Вайли теряет свою дочь... единственную собственность, которую ценит. Четыре миллиона – пустяк для такого человека, как ван Вайли. Представь, что бы ты сделал, если бы какой-то бандит схватил твою дочь и предложил вернуть ее, целую и невредимую, за двадцать баксов. Ты ведь заплатил бы, правда? Ты был бы счастлив вернуть ее за ерундовую сумму. Стал бы ты звонить федералам? Ничего подобного! Ты был бы рад заключить сделку. Четыре миллиона долларов для человека вроде ван Вайли и есть ерундовая сумма! Неужели ты не понимаешь? Он получает свою дочь назад, никакого шума, никакой суеты, и он теряет на этом лишь то, что для тебя составило бы двадцать баксов.

Однако Мо все еще не верил. Его приводила в ужас любая работа, за которую можно схлопотать смертный приговор.

– Но когда он получит дочь обратно, то натравит на нас федералов, – сказал он, ударяя кулаками по жирным коленкам. – Такой парень не расстанется со своими деньгами, не попытавшись вернуть их.

⁶ Имеются в виду 90-е годы XIX века.

– Ты ошибаешься, – сказал Крамер. – Я смогу его убедить, что если он попытается выкинуть подобный фокус, то, как бы старательно ни охраняли девушку, однажды явится человек с ружьем, и его дочке конец. Я вселю в него страх божий. Я сумею его убедить, что рано или поздно до нее доберутся, даже если на это уйдет несколько лет. Он поймет. Нельзя же охранять девушку годами. Он все поймет.

Мо долго обдумывал его слова, затем кивнул:

– Хорошо, Джим. Я всегда полагался на тебя. Если ты говоришь, что все так, значит оно так. – Он замаялся, а потом спросил: – Но чего ты хочешь от меня?

– Тебе достанется самая легкая часть, – сказал Крамер. – Ты совершишь похищение... не один, разумеется. Нам нужны еще двое. И в этом я уже полагаюсь на тебя. Когда-то я знал полно парней, которые могли бы помочь, но теперь утратил с ними связи. Нам требуется пара молодых жестких ребят с крепкими нервами. Их доля составит пять кусков... нечего просто так разбрасываться деньгами. Ты должен найти кого-то за пять кусков.

Мо так же, как и Крамер, утратил связи с темными личностями из криминального мира, но признаться в этом было бы роковой ошибкой. Крамер не станет платить четверть миллиона за просто так. Мо знал Большого Джима. Пока ты приносишь пользу, ты в деле, но, если засомневаешься или признаешься в некомпетентности, ты вылетел.

Он лихорадочно соображал. И вдруг на него снизошло вдохновение.

– Я знаю пару ребят, которые могли бы подойти... Крейны. Да, если подумать, они просто созданы для такой работы.

Крамер втянул дым и выдохнул его:

– Крейны? Кто такие?

– Они живут в квартире подо мной. Совсем безбашенные. Они близнецы, брат и сестра. Ты же знаешь этих молодых битников... у него своя банда. Их необходимо держать в узде, но нервы у них железные.

Крамер усмехнулся. Он всю свою жизнь держал в узде безбашенных.

– Я с ними справлюсь, – заявил он, стряхнув пепел в пепельницу. – Расскажи мне о них. Чем они зарабатывают на жизнь?

– Ничем, – сказал Мо. – Они никогда ничего не делают. Как я уже сказал, они безбашенные. – Он помолчал, загасил окуроч. – Отец у них был бандитом, грабил небольшие магазины и заправочные станции в глухих местах, как-то раз застукал их мать в постели с каким-то уродом. Он в тот момент был пьян и убил обоих. Его приговорили к пятнадцати годам. Он отсидел три месяца и повесился в камере. Их мать была одной из самых ловких магазинных воровок. Брала детей с собой на промысел, и у них получалось даже лучше, чем у нее. Им было по десять, когда они остались без родителей. Росли как крапива под забором, воровали еду и бегали от копов и разных благотворителей. Очень умные детишки. Ни разу не попались. У полиции на них ничего нет. А теперь они превратились в банду юных битников. Собирают дань со всех, кого можно шантажировать. Девчонка пользуется тем, что она девчонка, и когда на нее нападает какой-нибудь простофиля, появляется братец и встрясает из того все, до последнего цента... очень жесткий парнишка. Они, как мне кажется, уже созрели для настоящей работы. Нервы у них крепкие, кишки тоже, они не спасуют. А это мысль, Джим, взять на дело девчонку. Она может оказаться полезной.

Крамер надолго задумался, затем кивнул.

– Я приеду во Фриско и взгляну на них, – сказал он. – Подготовь встречу, Мо. Если я решу, что ты прав, мы их берем. Идет?

– Я с ними поговорю, – сказал Мо. – Когда они узнают, что дело организуешь ты, они из кожи вон вылезут, чтобы заполучить непыльную работенку.

Крамер усмехнулся:

– Само собой, вылезут, только не сообщай им, в чем состоит план, Мо. Я хочу сначала на них взглянуть. Просто скажи им, что есть возможность поработать на Большого Джима Крамера.

Мо смотрел на Крамера с восхищением.

– Я им скажу, – пообещал он.

* * *

Чита Крейн привалилась к фонарю, не обращая внимания на слегка моросивший дождь: в пухлых, ярко накрашенных губах сигарета, большие темные глаза сосредоточены на двери клуба «Гиза» на другой стороне улицы.

На часах было чуть больше трех ночи. Теперь уже совсем скоро из клуба вывалят болваны. Один из них, а только один и нужен, обязательно заметит ее и подойдет. Он будет слегка пьян, а может, и не слегка. Он предложит подвезти ее на своей машине.

Чита была среднего роста, с широкими плечами, с развитой грудью, на которую засматривались мужчины, с узкими бедрами и стройными ногами. На ней были черные кожаные брюки, лоснящиеся и грязные от постоянной носки, и черная кожаная куртка с нарисованным на спине и очень реалистичным комаром-долгоножкой, или, как его еще называют, караморой. Этот наряд был униформой для нее и Риффа, ее брата, они всегда так ходили. Среди прочих банд района они были известны как «кожаные куртки», а «кожаными куртками» – и это знают все – называют личинок караморы.

Когда Чита удосуживалась, она красилась в блондинку, но чаще она не удосуживалась, и ее волосы выглядели весьма неопрятно: полосы блонда чередовались с черным. У нее были высокие скулы, большие пронзительно-черные глаза, хорошей формы нос. Красавицей ее никто бы не назвал, не назвал бы даже хорошенькой, но ее чувственная внешность притягивала мужчин. Ее глаза, казавшиеся старше ее самой из-за светившихся в них греховности и обещания секса, манили как по волшебству. Она была, как и брат, жестокой, безжалостной и злобной. Всегда трудно смириться с фактом, что человек начисто лишен положительных качеств, однако было еще труднее отыскать хоть одно положительное качество в ком-нибудь из Крейнов. Они были закоренелыми лжецами, бесчестными предателями. Кроме того, они были эгоистичны, злонамеренны и совершенно необщительны. Пожалуй, единственно хорошим в них, если это можно считать хорошим, была их поистине безграничная любовь друг к другу.

Они были идентичными⁷ близнецами, между ними существовала связь, которая была сильнее всех их ссор и постоянных драк, а они часто дрались, словно дикие звери, и Чита в долгу не оставалась. Но если один из них заболел, что случалось редко, или попадал в неприятности, что случалось часто, другой всегда был рядом и поддерживал всеми силами, как бы туго ни приходилось. Они полностью полагались друг на друга, они делили пополам горе и радости, и было просто немыслимо, чтобы один из них, заимев доллар, тут же не поделился с другим.

На противоположной стороне улицы, скрытый от взглядов в темном переулке, стоял Рифф Крейн. Он был на несколько дюймов выше сестры. Высокие скулы и большие черные глаза были такими же, как у нее, но вот нос у него был сломан в драке еще в детстве, а несколько месяцев назад один недруг застал его врасплох и порезал ему бритвой лицо от правого глаза до подбородка. Из-за шрамов его внешность стала зловещей и пугающей, чем он очень гордился. Они с Читой заманили в ловушку того, кто его порезал. Счет благополучно сравнялся. Того типа теперь, наполовину ослепшего и превратившегося в идиота из-за многочисленных пинков

⁷ То есть однойцевыми.

по голове, выхаживала жена. Чита и Рифф носили лыжные ботинки. Они хорошо подходили к их униформе и были страшным оружием в уличной драке.

Внезапно в дверях ночного клуба появился человек. Поглядел направо и налево, установился на Читу, а потом пошел по улице, сунув руки в карманы. Чита равнодушно смотрела, как он удаляется. Массовый исход только начался, рано или поздно какой-нибудь простофиля клонет на нее. Она заметила, как брат выбросил на улицу горящий окурок и ушел поглубже в тень.

Из ночного клуба начали выходить мужчины и женщины. Хлопали дверцы машин – машины отъезжали. Чита все еще выжидала. А потом по лестнице ночного клуба спустился маленький человечек в плаще и шляпе с мягкими полями и остановился у входа. Чита взглянула на него с интересом и закурила очередную сигарету, прикрыв спичку ладонью, чтобы осветить свое лицо.

Маленький человечек посмотрел на нее через улицу, вроде бы засомневался, но потом направился к ней. Опытным взглядом Чита отметила хорошее качество плаща, пошитые на заказ ботинки, уловила блеск золотого браслета часов. Возможно, это тот самый простофиля, которого она поджидает.

Маленький человечек улыбнулся ей, подходя ближе. Вид у него был самоуверенный и всезнающий. Он двигался легко, худое, похожее на лисью морду лицо было покрыто загаром, словно он много времени проводит на свежем воздухе.

– Привет, детка, – сказал он, притормозив рядом. – Ждешь кого-нибудь?

Чита выпустила дым через ноздри. А потом улыбнулась ему широкой улыбкой профессионалки.

– Привет, Мак⁸, – сказала она. – Если и ждала, то, похоже, уже дождалась, я права?

Маленький человечек внимательно оглядел ее. То, что он увидел, кажется, ему понравилось.

– Права, но может, мы уйдем из-под дождя? – сказал он. – У меня тут машина. Не поехать ли нам с тобой в какое-нибудь тихое и укромное местечко? Поболтать о том о сем.

Чита засмеялась. Она выставила грудь, чтобы он оценил, и зазывно приподняла темную бровь.

– Звучит недурно, но насколько укромное и где?

– Хочешь, поедem в гостиницу, детка? – Маленький человечек подмигнул. – У меня есть деньжата. Ты не знаешь какое-нибудь небольшое тихое заведение поблизости?

Это было легко... даже слишком легко. Чита изобразила раздумье, прежде чем ответить:

– Ну, милый... если ты так хочешь, я согласна. Я знаю одно место. Я тебе покажу.

Она подбросила вспыхнувший окурок высоко в воздух. Это был заранее обговоренный сигнал Риффу, который теперь знал, куда она ведет простофилю.

У маленького человечка оказался «бьюик» с откидным верхом. Они сели, и, когда Чита устроилась рядом с водителем, тот сказал:

– Какой у тебя необычный прикид. Тебе идет. Но при чем тут комар?

– Это мой символ, – сказала Чита.

Ей уже наскучил этот маленький человечек. Она лишь надеялась, что у него в бумажнике полно денег. Чита покосилась на золотой браслет. Это хотя бы окупит ее труды.

Пять минут спустя они уже регистрировались в замызанной гостинице на набережной. Портье за стойкой, грязный старик, хитро подмигнул Чите, и она подмигнула в ответ. Оба знали, что через несколько минут подъедет Рифф.

Они поднялись наверх и вошли в довольно-таки просторный номер с двуспальной кроватью, двумя креслами, умывальником и потертым ковром.

⁸ Мак – фамильярное обращение к незнакомому мужчине.

Чита села на кровать и улыбнулась маленькому человечку, который снял свой плащ и шляпу. Повесил их на крючок на двери. Под плащом оказался темный костюм, сшитый на заказ. Похоже, это человек с деньгами.

– Милый, я хочу от тебя подарок, – сказала Чита. – Тридцать баксов.

Маленький человечек весело улыбнулся ей в ответ и подошел к окну. Отодвинул в сторону грязную занавеску и принялся всматриваться в мокрую от дождя улицу. Он как раз успел увидеть, как Рифф слезает с мотоцикла, ставит его на подножку и переходит улицу, направляясь к гостинице.

– Что ты там высматриваешь? – спросила Чита, и ее голос зазвучал резче. – Иди сюда... я хочу получить подарок.

– Никаких подарков, детка, – сказал он. – Для тебя ничего нет. Я хочу познакомиться с твоим братом.

Чита пристально посмотрела на него:

– Каким еще братом? Что ты такое несешь?

– На прошлой неделе ты сняла одного моего приятеля, – сказал маленький человечек. – Привела его сюда. Вы с братцем обчистили его, а потом твой негодяй-брат его избил. Теперь моя очередь...

Чита посмотрела на маленького человечка с неожиданно проснувшимся настороженным интересом. Он выглядел довольно безобидно. Тонкокостный, легкий, даже хрупкий с виду. Да Рифф убьет его одним ударом!

– Не валяй дурака, коротышка, – сказала она презрительно. – Мы не хотим неприятностей, но ты их получишь, если не умеришь пыл. Рифф способен разделаться с десятком таких, как ты. Если не хочешь загреметь в больницу, гони бумажник и часы. И я прослежу, чтобы Рифф тебя не тронул.

Маленький человечек фыркнул. Похоже, происходящее его забавляло.

– «Кожаные куртки»! Двое тупых и злобных малолеток, не способных заработать ни цента без насилия. Детка, вы уже давным-давно нарываетесь. И теперь настало время получить сполна.

Пока он говорил, дверь номера рывком распахнулась, и вошел Рифф. Обычно, когда он входил в эту паршивую комнату, Чита успевала снять одежду и лежала обнаженная на кровати, что давало ему повод изобразить оскорбленного в лучших чувствах брата. Увидев, что она сидит на кровати полностью одетая и смотрит на маленького человечка, который стоит посреди комнаты и улыбается, Рифф резко затормозил.

– Заходи, паршивец, – пригласил маленький человечек. – Мне не терпится с тобой познакомиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.